

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АРТЕМ БУК

РЕВОЛЮЦИЯ КРОВИ

РОМАН

Москва. 2017
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б90

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1040

Художник
И. Воронин

Бук А.
Б90 Революция крови: Фантастический роман. — М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 344 с.: ил. —
(Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2356-9

Убить троих из мести — не проблема. Ведь ты работаешь на правительство и знаешь, как уйти от закона. Но что делать, если после этого сам становишься мишенью? Что делать, если даже сильные мира сего один за другим гибнут, когда пытаются помочь тебе? Кто твой враг? Инопланетяне? Таинственные логи, ведущие тысячелетнюю войну? Преступные кланы? Правительство? Кто твои настоящие друзья? Кто ты сам и как далеко готов зайти, чтобы получить ответы? Мир XXV века кажется тихим и умиротворенным его обитателям. Но это лишь иллюзия — ты узнаешь тайну происхождения человечества, и это изменит всё. Грядет революция крови.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Артем Бук, 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2356-9

ПРОЛОГ

Я стоял перед той же дверью. Снова. Сны — забавная штука. Они подбирают детали прошлого, перемешивают их с твоими страхами и надеждами, а иногда заставляют раз за разом переживать то, о чем предпочел бы забыть. Сегодня светило солнце, и было почти нестерпимо жарко. Глаза заливал едкий пот, и я уже который раз вытирал о штаны мокрые трясущиеся руки. Бывало, шел проливной дождь, а однажды я попал в метель, которую не видел с детства. Одежда вот оставалась неизменной. Как и дрожь в руках от того, что предстояло сделать.

— Агент Старгарт, доступ. — Я боялся, что система не распознает охрипший голос, но тяжелая панель не спеша отползла в сторону. — Стоп.

Выполняя команду, дверь замерла, перекрыв видимость камерам, направленным на склад. Внутри их не будет. Нужно войти. Сейчас же. Ожидание не принесет ничего, кроме нарастающей паники.

Огромное помещение пустовало. Трое стояли в сотне метров от входа. Я не видел оружия, но не сомневался, что оно скрыто где-то под одинаковыми синими куртками. Не важно, какое именно, — каждый из них способен попасть в зверька размером с белку с полусотни метров. Тесты на взросление в других мирах иногда бывают забавными.

Грубые лица ничего не выражали — им платили за работу, и она только что сама вошла в дверь. Незачем спешить, рискуя промахнуться. Они ничего не предприняли и тогда, когда я пересек границу прицельной стрельбы, приближаясь к ним

прогулочным шагом случайно оказавшегося по соседству зеваки.

— Назовите себя и объясните, что здесь делаете. — Я еще ни разу не смог произнести этой фразы с нейтрально-ленивой интонацией, как собирался. Ни тогда, ни сейчас. Срывающийся голос, усиленный коммуникатором, гулко разнесся по пустому помещению. Они молчали, не имея причин торопиться — я сам шел к ним, а они привыкли делать свою работу основательно.

Сто метров. Семьдесят пять. Пятьдесят. Коммуникатор, отсчитывающий расстояние, теперь без остановки услужливо верещал в ухо: «Опасно. Вы в зоне поражения. Опасно...»

Я понял, что не смогу. Я не мог идти дальше. Вязкий ужас свел мышцы живота, руки и ноги ослабли и стали ватными, паника сперла дыхание. Но нужно сделать все правильно.

— Сигнал, — просипел ставший незнакомым голос, и озорно поблескивающая на груди бляха со встроенным динамиком начала воспроизводить стандартную запись: «Немедленно...»

Они не стали ждать, пока компьютер прикажет им встать на колени и заложить руки за голову...

ГЛАВА 1

— Вы можете пройти. — Девушка в элегантном нежно-голубом комбинезоне неуверенно улыбнулась.

Наверное, мое лицо не выражало большой радости, поскольку прошло уже почти два часа с момента, когда она попросила меня подождать в приемной. Не иначе дело не было столь уж срочным, как говорилось в приглашении, переданном мне охранником на выходе из изолятора. Но на планете существовали организации, письма из которых с требованиями вроде «Вам надлежит незамедлительно прибыть» игнорировать не стоило. Тем более напечатанные на бумаге и врученные в заклеенном конверте. Высший класс.

Понятия не имею, зачем им потребовалось столь огромное помещение. Окно зала занимало все пространство от пола до потолка, а длинный стол из красного дерева зачем-то поставили лишь в паре метров от края — так, что любой сидевший за ним мог созерцать двухсотметровую бездну у своих ног.

Один из мужчин как раз предавался этому увлекательному занятию, повернувшись спиной к входу. Второй демонстративно пялился в расположенный над столом экран, периодически раздраженно тыкая в него пальцами. Видимо, у меня должно было создаться впечатление, что он проводит время за изучением сверхсекретного досье, содержащего сведения обо всех моих самых страшных тайнах, начиная с рождения. Впрочем, исходя из моего опыта участия в подобных процедурах, я бы скорее предположил, что он занят раскладыванием пасьянса.

Лишь последний из тройки не стал подчеркнуто игнорировать присутствие гостя и, сложив руки на объемистом животе, доброжелательно следил за моим приближением.

Преодолев добрые полсотни метров, я остановился перед столом и все же бросил взгляд в окно. Как всегда, увиденное заставило сердце подпрыгнуть, а кожу покрыться испариной. Черт. Я быстро отвел взгляд и сконцентрировался на табличках, представлявших каждого из присутствующих. Нанесенные золотой краской буквы местами потемнели, а кое-где полустерлись, что, вероятно, намекало на подлинность сложенных из них имен. Или на то, что этими именами достаточно часто пользовались. Но у меня не было оснований жаловаться — исходя из характера заведения, куда меня пригласили, сидевшие передо мной джентльмены вполне могли попросить именовать их X, Y и Z, так что любые человеческие имена стоило воспринимать как положительный знак.

Агентство стратегического развития было не просто мощнейшей разведслужбой, созданной за время существования человечества, или крупнейшим аналитическим центром в занятой людской расой части Вселенной. Некоторые полагали, что оно давно стало структурой куда более весомой, чем Всемирное правительство, которому формально подчинялось.

Весело и откровенно пялившийся на меня господин звался Эдвином Честерфилдом. Имя и цвет кожи, покрытой ровным африканским загаром, выдавали чистокровного европеоида. Слегка за шестьдесят лет и немногим за сто килограмм, среднего роста, с делано добродушным лицом, украшенным усами и небольшой бородкой, мой новый знакомый явно любил ретроновшества, наверняка включая и стилизованный под старину стол, за которым восседал.

Во всяком случае, его коллег заподозрить в склонности к ретростилю было сложно. Сидевший в центре высокий латинос, согласно табличке претендовавший на имя Мануэль Рамирес, с суровым непроницаемым лицом продолжал молотить пальцами по экрану, то ли в поисках подходящей карты, то ли решая в это время судьбу какого-нибудь маленького колониального мира.

Невысокий азиат, в этой комнате откликнувшийся на имя Пон Так, поняв, что я остановился, нехотя отвлекся от зрелища внизу башни и плавно развернул свое кресло ко мне. Взгляд его я расценил бы как скучающий. Не похоже, что беседа с посетителем входит в список его приоритетов на сегодня.

— Бойтесь? — Пон Так не стал тратить время на приветствие, лишь слегка дернув головой в сторону окна и бездонной пропасти за ним.

— Да. — У меня не было никакого желания развивать эту тему. Высотобоязнь отняла у меня немало очков на экзаменах, и я не сомневался, что сидевшие передо мной люди имели на сей счет исчерпывающую информацию.

— Мне кажется немного странным, что человек с подобной фобией так настойчиво стремится попасть в Оперативную службу. Подумать только — четыре попытки за четыре года. — Голос Рамиреса звучал неожиданно мягко на контрасте с его суровой внешностью.

Никто не предложил мне сесть, но кресло перед столом имелось, и я, не спрашивая разрешения, плюхнулся в него. Сиденье предсказуемо оказалось крайне неудобным — нехитрый инструмент допроса. Но я уже лишил себя возможности провести беседу стоя, так что роптать смысла не имело.

— Высотобоязнь поддается коррекции на базе Академии, — спокойно возразил я. — Иначе меня вообще не допустили бы к экзаменам, не так ли? Очевидно, АСР не склонно считать меня достойным занять место в его рядах — у вас каждый год полно прекрасных кандидатов.

— Да, хороших кандидатов очень много. — Пон Так энергично закивал и мягко продолжил: — Но ведь не всем из них случалось убивать кого-то, не так ли? А тем более троих.

— Это была самооборона. — Я уже считал все эти разговоры пройденным этапом, и фраза слетела с губ на автомате.

— Разумеется, разумеется, — охотно вступил в беседу Честерфилд. — Вас ведь так и не осудили, верно?

— Прекрасная вещь этот Кодекс законника. — Рамирес смахивал на ненавистника недосказанностей и явно следил за

этой репутацией. — Практически полный иммунитет от любых неприятностей. Но вы могли сохранить должность, согласившись на пси-проверку. Почему же вы этого не сделали?

— Я сохранил работу. — Прозвучало это несколько более резко, чем я хотел бы. — И нахожусь в бессрочном оплачиваемом отпуске. С сохранением звания и привилегий.

Покопавшись в наружном кармане своего старомодного пиджака, Честерфилд извлек оттуда вполне современную сигару из натурального свайкса и, чиркнув — с ума сойти — бензиновой зажигалкой, с удовольствием пустил струю дыма в потолок. Я решил, что мизансцена призвана продемонстрировать неформальный характер встречи и установить доверительную атмосферу. Хотя бы потому, что импорт свайкса на Землю строго запрещен и владение даже одной сигарой сулило до трех месяцев тюрьмы и штраф, способный надолго отбить тягу к вредным привычкам. Конечно, старик куда больше расположил бы к себе, предложи он сигару и гостю. Но, в конце концов, она стоила не меньше полусотни юнов, и я простил ему некоторую невоспитанность.

— Мы, естественно, в курсе относительно данного обстоятельства, — с укоризной одернул меня Честерфилд, снова затянувшись. — Как и того, что работу вы сохранили только благодаря профсоюзу. На ваше счастье, его функционерам очень не нравится, когда законников выгоняют за действия, даже отдаленно напоминающие самооборону. Но ведь это не было самообороной, сынок?

По его сигналу Рамирес, периодически сверяясь с экраном, перешел к теме, очевидно собравшей присутствующих вместе:

— Двадцать четвертого июня сто пятидесятого года в Бангкоке при пожаре в своей квартире погибла гражданка Земли Даниэль Свенсон. Происшествие квалифицировано как убийство. Его видеозапись демонстрировалась на слушаниях по вашему делу. На ней видно, как четверо мужчин пытали мисс Свенсон на протяжении нескольких часов, после чего убили и уничтожили помещение термобомбой. Обвинитель в ходе разбирательства утверждал, что скрытая запись сделана вами, поскольку сложно предположить, что какой-то другой знако-

мый мисс Свенсон стал бы так грубо вмешиваться в ее личную жизнь. Он ведь не ошибался?

Я не собирался отвечать на вопросы, которые Рамирес явно считал риторическими. Ноги в страшно неудобном кресле начинали неметь, и я демонстративно сменил позу, вполне удачно, как мне показалось, изобразив скуку.

— Прекрасно, — кивнул Рамирес. — Итак, по версии обвинения, располагая тайно сделанной видеозаписью убийства, а также используя свои возможности как агента Службы контроля инопланетного присутствия, вы быстро установили личности подозреваемых. Трое черано прибыли на Землю в составе торговой миссии Анакалии за несколько дней до происшествия. Обычно высадка черано на планету не приветствуется, но эти значились в качестве охраны миссии и имели дипломатический статус, включая право на ношение оружия. Более того, им удалось каким-то образом получить разрешение на выезд из Особого района, якобы для встречи с клиентом одного из охраняемых лиц. Встреча, как несложно догадаться, происходила в Бангкоке.

Переговоры длились около восьми часов, в ходе которых анакалиец находился в хорошо охраняемом здании, куда телохранители его не сопровождали. По завершении встречи делегация вернулась в Особый район, откуда через день должна была лететь на родину. Однако на следующий день диспетчерская СКИП зафиксировала ваше сообщение, согласно которому при патрулировании складов вы обнаружили признаки вскрытия объекта 1480-КРТ. Войдя внутрь, вы увидели троих вооруженных черано, которые на требование проследовать для разбирательства пытались применить против вас оружие, но были застрелены вами из служебного пистолета. Вы каких-либо ранений не получили.

Рамирес многозначительно замолчал, пытаясь поймать мой взгляд. Поскольку обсасывание деталей произошедшего занимало основную часть моего времени последние три месяца, впечатлен я не был. Не дождавшись реакции, Рамирес продолжил:

— Таким образом, по версии следствия, установив личности убийц с помощью сделанной вами видеозаписи, вы заманили их на склад, где собственноручно казнили. Данное происшествие вызвало краткосрочный дипломатический скандал. Правительство Анакалии выразило возмущение расстрелом троих лиц со статусом дипломатов, пусть и не являвшихся ее гражданами. Впрочем, после обнародования доказательств их участия в зверском убийстве гражданки Земли скандал быстро сошел на нет. А обвинителям так и не удалось доказать ни одно из предположений, на которых основывалась их версия.

Не доказано, что именно вы осуществляли скрытую съемку в квартире мисс Свенсон. Не доказано, что вы послали запись убийства черано с тем, чтобы заманить тех на удаленный склад. Поскольку копию видеофайла обнаружили при одном из убитых, на слушаниях вы выдвинули теорию о том, что он предназначался заказчику убийства как подтверждение выполнения работы. Неплохо, хотя само существование заказчика не доказано. По версии следствия, причиной нападения на мисс Свенсон стало врожденное зверство и корысть, свойственное черано. Попытки же применялись для того, чтобы принудить ее открыть находившийся в квартире сейф и похитить его содержимое. Жертва, как известно, происходила из состоятельной семьи.

Обвинение также не смогло доказать наличие у вас мотива для убийства. Несмотря на ваше давнее знакомство с мисс Свенсон, на момент смерти она была помолвлена с другим. Ну и наконец, вы просто уничтожили обвинение аргументом о том, что, будучи в здравом уме, не могли бы решиться на перестрелку с тремя черано. Ведь, заманив их в так называемую ловушку, вы фактически совершали самоубийство.

Эксперты не сумели найти объяснения вашему успеху в схватке, сочтя его невероятным везением. Почти таким же невероятным, как и то, что знакомый жертвы столкнулся с ее убийцами на следующий день после преступления в одном из немногих мест Особого района, где нет видеонаблюдения. Но вы отказались от пси-проверки. По этим причинам, несмотря на ваше полное оправдание сначала Административной ко-

миссией СКИП, а затем и Третьским судом Особого района, вас так и не допустили к службе. Потому что вне юридических материй никто не сомневался, что вы нашли и казнили тех троих. Вопрос в том, как, черт возьми, вам это удалось.

— Думаю, вам будет интересно, — подал голос Пон Так. — После происшествия тренировочный центр Академии провел одиннадцать оперативных игр по мотивам вашей истории. И во всех случаях наши агенты гибли.

— У вас есть живые инопланетники для тренировок? — любопытствовал я.

— Разумеется, нет, — проворчал азиат. — Мы использовали боевых андроидов с заданными характеристиками средней точности и скорости реакции черано. В результате пришли к выводу, что вы каким-то образом воздействовали на тех перед столкновением. Не поняли только как. Слепили? Оглушили? Шоковое воздействие? Химическое? Ментальное? Экспертизы ничего не обнаружили. А ведь это стало лучшей операцией ликвидации, проведенной на Земле за несколько десятков лет.

— Вы ошибаетесь, — спокойно возразил я. — Эти трое почти успели покинуть планету, а их сообщник так и не найден. Мотивом убийства признан квартирный разбой, и никто не ищет его организаторов. Так что лучшей, пожалуй, остается операция по ликвидации специального агента АСР Даниэль Свенсон.

ГЛАВА 2

Было непохоже, что мне удалось шокировать их своей осведомленностью.

— Мы подозревали, что вы знаете. — Честерфилд с сожалением отложил почти докуренную сигару. — Она сама вам раскрылась или вы поняли это из видеозаписей? Кстати, как долго вы за ней наблюдали? Удивительно, что вам это удалось, — у нее имелось необходимое оборудование и навыки.

Я не сомневался в том, что беседа записывается. С другой стороны, логично предположить, что сидевшую передо мной

троицу интересуют обстоятельства гибели их агента, а не уличение отомстившего за нее мелкого чиновника.

— Почему все решили, что наблюдение установил я? Все гораздо проще — она сама использовала это устройство. Записи загружались на виртуальный сервер. Когда она погибла, я получил сообщение от системы. — Я замолчал, давая им возможность переварить информацию.

— О ее работе вы узнали именно из этих записей? — Рамирес явно не собирался оставлять эту тему.

— Нет. — Я не стал лгать, не видя в этом особого смысла. — Она сама мне рассказала. Примерно за месяц до смерти. Правда, я и сам догадывался.

— Почему? — полюбопытствовал Рамирес. — Она практически не бывала здесь. Жила в Бангкоке, являлась известным политологом. Фигурой хоть и непубличной, но заметной в узких кругах. Не выезжала с Земли. Период обучения в Академии, как нам кажется, удачно замаскирован историей о закрытой школе в Альпах.

— Мы тесно общались в университете. — К рассказу приходилось примешивать воспоминания, и я был вынужден буквально проталкивать слова через глотку. — На первом курсе она писала монографию о законниках, и друг-полицейский пришелся кстати. Я знаю ее семью, бывал у них дома в гостях. Отец давно на пенсии, пишет научные статьи. В основном об особенностях политических систем разных миров. Он много путешествовал, что возможно лишь за государственный счет. Но я не нашел его ни в одном реестре служащих. Ясно, что он работал на АСР. Видимо, был важной шишкой, раз ему позволили жить вне Спейстауна. Все знают, как у вас развита семейственность. Вот и Даниэль... я часто брал ее на патрулирование в Кварталы Радости. Видел, как она ведет себя при признаках опасности, как реагирует на оружие. Она прошла спецподготовку, и вряд ли в школе для девочек в Альпах.

Меня никто не прерывал, но я остановился, чтобы сглотнуть. Напитки в программу вечера не входили. Ну что ж, подопытным крысам не выбирать. Слушатели просто ждали, когда я продолжу. Я не стал их разочаровывать.

— Примерно за месяц до нападения мы встречались в Бангкоке. В ресторане. Я никогда не навещал ее в новой квартире, даже не представлял себе, где та находится. Пригласила якобы отпраздновать свою новую работу. Получила должность аналитика при посольстве на Ганьши. Но обсуждали мы не это.

Я никогда не отличался хорошей памятью, но знал, что последний разговор с Даниэль никогда из нее не сотрется.

Она вошла в ресторан своей обычной легкой походкой и прищурилась, оглядывая зал. Короткое элегантное платье, открывающее длинные стройные ноги. Идеально правильные черты лица, голубые глаза, коротко постриженные светлые волосы. Ей много раз предлагали карьеру модели. Звали замуж влиятельные бизнесмены и политики, в обществе которых она любила вращаться. Но, насколько мне было известно, ни то, ни другое ее не интересовало.

Я ждал уже полчаса, но у красивых женщин во все времена были свои привилегии, даже если они оставались просто вашими друзьями. Наконец она заметила меня в кабинке в дальнем конце зала и, ловко лавируя между столиками, направилась в мою сторону.

— Прости, задержали в офисе. — Что мне в ней нравилось, так это то, что она никогда не пренебрегала извинениями, будучи не права. Похоже, она действительно переживала, зная, что в Бангкок я приехал исключительно на встречу с ней.

— Нет проблем. — Я не стал уточнять, что она делала на работе в субботу вечером. — Что будем пить?

Она мельком взглянула на стоявший передо мной коктейль и пробормотала:

— Мне то же, что пьет он.

— Ваш заказ будет исполнен через две минуты, — мелодично пропел столик, и на его поверхности мягко замерцали цифры, отсчитывая указанное время.

— Сколько мы не виделись? Три месяца? — Даниэль преврала неловкую паузу, возникшую скорее из-за моей попытки собраться с мыслями.

Мы действительно не виделись довольно давно. Наверное, и к лучшему. Этот факт я осознал, лишь снова увидев ее. Проболтаться несколько лет в роли мальчика на побегушках у звезды университета и общепризнанной светской львицы, испытывая к ней вполне определенные чувства, было за гранью моих обычных представлений о самоуважении.

Тем не менее я это делал. И знал, что не один такой. Она не скрывала, что я стал полезным пропуском в темный и запретный мир городских джунглей. С некоторыми она занималась серфингом. С другими участвовала в гонках на флаерах. С третьими ходила на светские рауты — благо они отличались презентабельной внешностью, подвешенным языком и имели вес в деловых или политических кругах. Особняком стояли те, с кем она встречалась. Таковых набиралось не слишком много. Последнего звали Махандер Раджпури — мрачноватая и не слишком общительная, но очень яркая звезда психоконики. Лично я не понимал, как можно встречаться с человеком, который способен манипулировать твоим сознанием.

Многие, впрочем, и шутили в духе того, что Махандер заполучил Даниэль с помощью внушения. Мне же всегда казалось, что причина в том, что он неприлично умен, а специалистов такого класса на планете не набралось бы и десятка. Она всегда любила эксклюзивность. Полицейских, серферов и светских пуделей в мире, ясное дело, пруд пруди. Я никогда даже не заикался на тему перевода наших отношений в иное качество. Как шушукались общие знакомые, потому и продержался в друзьях так долго. Спортсмены и партнеры по званым вечерам менялись чуть ли не ежемесячно.

— Да, где-то так. — Я старался ронять слова с небрежной ленцой, хотя совершенно точно помнил, когда и при каких обстоятельствах мы встречались последний раз. Правда, видеозвонки не были такой уж редкостью. Как правило, звонила она. И обычно с просьбой пробить очередного кавалера по базе правоохранительных органов. Возможно, не хотела беспокоить куратора в АСР.

— Как там Махандер? — Я тут же проклял себя в душе. Прекрасный первый вопрос для разговора с другом женского

пола. Конечно, она знала о моих чувствах. Не уверен, беспокоило это ее или забавляло.

— Неплохо. — Она явно была удивлена, потом в глазах замелькали озорные искорки. Очевидно задавив в себе какую-то неуместную шутку, способную спровоцировать разговор, до которого я так и не созрел за годы нашего знакомства, она серьезно продолжила: — Ты же его знаешь. Работает как проклятый. Много путешествует.

Она снова замолчала, подбирая слова. Глаза регулярно перескакивали с меня на зал ресторана, обшаривая его цепким профессиональным взглядом. Она села не напротив, а сбоку — так, чтобы не оказаться спиной к входу. Сумочку положила на стол возле правой руки. Никакой обычной игривой расслабленности.

— У нас мало времени. — Она тут же прикусила губу, похоже сожалея о неудачном начале. Положила свою ладонь на мою и слегка сжала.

Дело было плохо. От ее прикосновения все внутри перевернулось точно так же, как в студенческие годы, когда ни одна ночь не проходила без мыслей о ней.

— Ты столько лет был хорошим другом...

Вот это да. Она не отпускала мою руку, и мысли слегка путались. Позвала, чтобы объявить о прекращении общения? Почему? Неужели наша дружба разонравилась начальству в АСР? Мелодичный сигнал возвестил о готовности напитка, который незамедлительно возник перед Даниэль на столе, прервав ее мысль и отчасти разрушив чары. Она отняла руку, чтобы взять бокал. Возможно, немного более резко, чем следовало. Сделала большой глоток. Лицо порозовело, а когда взгляд снова обратился ко мне, глаза уже привычно смеялись.

— Что-то я сегодня не слишком в ударе, не так ли? — Вопрос был риторическим, поэтому я лишь промычал что-то невнятное. Она снова взяла меня за руку, на этот раз куда более решительно. — Прости, но времени действительно не так много, а разговор будет серьезным. Мне нужна твоя помощь, очень нужна. Удивительно, но к двадцати семи годам из сотен

знакомых и друзей ты единственный, кому я могу доверять. Во всяком случае, в подобном деле.

Я сделал хороший глоток из своего бокала и судорожно оглядел зал в поисках помощи. Признаться, в отличие от Даниэль на меня спиртное никогда не оказывало укрепляющего дух воздействия, не произошло этого и сейчас. Ресторан был пафосен и огромен. Заведение в основном оккупировали парочки, соблазненные роскошным интерьером.

Мне приглянулась стройная светлоглазая брюнетка с длинными волосами. Наверное, по контрасту с Даниэль. Возможно, стоило обсудить это с психоаналитиком, если бы мне вдруг взбрело разговаривать о личной жизни со штатным мозгоправом, навязанным СКИП. Брюнетка ворковала с индийцем лет на сорок старше, в деловом костюме стоимостью с мою годовую зарплату.

— Ты еще со мной? — Пауза несколько затянулась, но голос Даниэль выражал скорее недоумение, чем недовольство.

— Да, о богиня моего сердца. — Подтрунивания между нами были делом обычным. Она, в свою очередь, могла именовать меня «верным вассалом» или «преданным рабом». Правда, мне самому не слишком понравился звук моего голоса. Никакой дружеской иронии — скорее жесткий сарказм человека, которому придется делать то, что вряд ли доставит ему удовольствие.

Ведь мы оба понимали, что я неспособен ответить отказом. Я не знал, в чем дело, но если с ним не могли разобраться ни АСР, на которое она работала, ни ее папаша — бывшая шишка из этого самого АСР, ни любящий дядя-миллиардер, ни один из ее поклонников, у которых хватало как мышц, так и мозгов и политического влияния, — значит, дело было дрянь.

Видимо, слишком личное. Или слишком грязное, что то же самое. Такое, о котором не должны узнать ни работодатель, ни родственники, ни друзья. Ну, кроме старины Эрика, которому уже доводилось вытаскивать ее, полуживую и непрестанно блюющую, из Кварталов Радости в периоды студенческих экспериментов.

Так что речь пойдет не о том, чтобы пробить кого-то по закрытым полицейским базам. И не о посещении наркоманских притонов, секс-клубов или сектантских соборщ, чем она увлекалась несколько лет назад. И так не слишком деятельный мозг, изрядно накачанный спиртным, лениво перебирал возможные варианты.

Назойливый поклонник? Да нет, маловероятно. Один ее звонок, и практически любому обеспечена либо больничная койка, либо полное отлучение от общества вкупе с разрушением карьеры и личной жизни, если таковые имелись. Шантаж? Более занятная версия, хотя последние годы она была паинькой, а шантажировать кого-то информацией о студенческих оргиях в наш просвещенный век просто нелепо.

Нет, неправильный подход. Дело не в том, что случилось, а в том, почему помочь могу только я. Что можно поручить другу Эрику, не знающему ничего, кроме работы законника? Слежку? За Махандером, что ли? Да он без ума от нее точно так же, как и я. На других ей глубоко плевать. Не то.

Она напугана. А она одна из самых храбрых особей женского пола, что ты видел. Думай, детектив. Защита? Нет, попросила бы дядю дать телохранителей, да и кому нужен таскающийся по пятам несчастный воздыхатель. Защита... защита может быть разной. Есть одна просьба, с которой нельзя пойти ни к дяде, ни к папе, ни к знакомым костоломам. Но можно обратиться к человеку, неспособному тебе отказать и знающему, как заметать следы.

— Итак, кого нужно убить, моя принцесса эльфов? — Спяну мне показалось, что фраза прозвучала чрезвычайно непринужденно, а тон даже свидетельствовал о некотором налете светского лоска.

Непроизвольный всплеск женской руки смахнул бокал на пол, но вместо того, чтобы эффектно разбиться на манер сцены из дореформаторского фильма, ударопрочный пластик лишь весело запрыгал по ковру, немедленно приведя в движение роботов, вылезших из тумбы по соседству и деловито приступивших к уборке. Похоже, я действительно был не таким уж плохим детективом.

У них было много вопросов, очень много. Конечно, они предпочли бы взять паузу и проверить новые для них сведения. Но профессионалы должны ковать железо, пока горячо, а этим наверняка казалось, что я уже загнан в угол и не смогу юлить. Что ж, тактика работала, и большая часть того, что они услышали от меня, являлась правдой. Мои отношения с Даниэль, как ни странно, не слишком их волновали. Ее убийство — дело другое, но здесь я мало чем мог помочь. Впрочем, они и не ожидали услышать от меня имя заказчика.

Поняв, что большего о погибшем агенте из гостя не вытянуть, тройка неожиданно сменила тему. Рамирес несколько раз ткнул в панель, и сбоку от стола возникла проекция многостраничного документа, увенчанного фото в правом верхнем углу. Мрачноватый, крепко сбитый тип с ярко-голубыми глазами и коротко стриженными светлыми волосами враждебно уставился на расположившихся за столом бюрократов. Не лучшая моя фотография. Подумать только, мне демонстрировали мое собственное досье, заботливо подготовленное сотрудниками АСР. Выглядело оно пугающе объемным.

Рамирес в полной мере насладился моим замешательством и, увеличив шрифт проекции, нудным голосом стал зачитывать информацию с первой страницы:

— Эрик Александр Старгарт, дата рождения — седьмое апреля сто двадцатого года Реформации, уроженец Стокгольма, Земля. Европеид. Рост сто восемьдесят сантиметров, средний вес девяносто килограмм. Уровень интеллекта по универсальной шкале — сто восемнадцать, аналитические способности — сто двадцать пять. Уровень тревожности — семьдесят семь пунктов, страховый порог — тридцать девять пунктов. Реакция — сто девять, навыки рукопашного боя — сто одиннадцать, меткость — сто пятнадцать баллов.

Пон Так пренебрежительно скривился, демонстрируя свое отношение к показателям, которые сложно было признать выдающимися. Честерфилд, похоже, хотел что-то сказать, но в итоге просто махнул рукой и поудобней устроился в кресле.

Рамирес все же определенно не любил недосказанностей и охотно подытожил, чуть повысив голос:

— Общий результат — посредственно. Достаточно, чтобы устроиться на работу законником, но не более того. Вам ведь известно, Старгарт, что все ваши показатели минимум на пятнадцать — двадцать процентов ниже, чем средние по поступившим абитуриентам?

— Я всегда думал, что файлы АСР должны содержать более занятные данные, нежели результаты стандартных тестов. — Поскольку политкорректность в повестке дня не значилась, я не видел смысла любезничать. — Потом, вам не кажется, что прием зачитывания субъекту его досье в принципе несколько избит? Или из тестов напрашивается вывод о том, что я полный идиот?

— Вы не полный идиот. — Примирительный тон Честерфилда подтверждал мои мысли об отведенной ему роли доброго дядюшки. — Вам даже предлагали должность в Службе внутренней безопасности. Но вы ведь заиклены на оперативной работе, не так ли?

Я пожал плечами, не видя необходимости в ответе. Рамирес продолжил тихим монотонным голосом:

— Отец — Александр Ульрих Кристиансен, репортер «Континентальных новостей». Мать — Анна Петровна Кристиансен, урожденная Кузнецова, аналитик «Галактического обозрения». Оба девяностого года рождения. Оба погибли при крушении шаттла, возвращаясь с Луны семнадцатого мая сто тридцать пятого года. Катастрофа признана несчастным случаем. Сын Эрик в возрасте пятнадцати лет, согласно личному волеизъявлению, определен в Полицейскую академию Юго-Восточного региона. При поступлении по желанию кадета его личные данные были засекречены, а фамилия изменена на Старгарт. В сто сороковом году закончил учебу в возрасте двадцати лет, с присвоением звания патрульного третьего класса. Оценки по окончании академии — средние. Распределен на работу в полицию административного района Сингапура. Быстро продвигался по служебной лестнице — патрульный второго класса, первого класса, сержант. В сто сорок пятом году назначен на должность детектива. Зарекомендовал себя положительно, и в сто сорок восьмом году произведен в лейтенан-

ты и назначен руководителем группы по расследованию смертей от неестественных причин. Однако уже в сто сорок девятом году лейтенант Старгарт был уволен под предлогом сокращения штатов. Через несколько недель после этого благодаря стараниям профсоюза законников получил должность агента Службы контроля инопланетного присутствия и переехал в Опенгейт, Особый район.

Рамирес прервался, чтобы отпить ярко-зеленой жидкости из стоявшего перед ним стакана. Если допросы потенциальных инопланетных агентов они проводили по той же методике, Земля находилась в страшной опасности. Пон Так откровенно скучал, а Честерфилд смотрел на меня строгим, но понимающим взглядом. Возможно, он просто спал с открытыми глазами, пользуясь огромным опытом участия в подобных мероприятиях.

— Почему вы пошли в полицию, Старгарт? — Рамирес решил внести разнообразие в беседу. Вполне вероятно, чтобы не утратить внимания аудитории, для которой нудное перечисление фактов моей биографии вряд ли стало новостью. — Работа не слишком приятная, уровень популярности низкий, желающих не так уж много. Насколько я знаю, друзья родителей предлагали вам карьеру в журналистике. А среди них были весьма серьезные люди.

Ну, началось. Вообще-то совсем неплохо. Со мной на эту тему говорили три человека, одного из которых уже нет в живых. И разговоры эти состоялись пятнадцать лет назад, а ведь я о них никому не рассказывал.

— Хотелось заниматься чем-то реальным и видеть результат своих действий. — Полагаю, в этот раз мне удалось скрыть замешательство. — Делать мир лучше, рассказывая новости, — очень уж абстрактно для меня. Преступник в тюрьме — гораздо наглядней. Потом, вы сами сказали, что работа полицейского не слишком популярна. На Юго-Востоке они с трудом закрывали набор, так что меня приняли и с посредственными школьными оценками. А редакция межпланетных новостей — сорок человек на место. Даже при наличии связей.

— Не любите сложностей? — живо поинтересовался Честерфилд. — Это не совсем соответствует другим фактам вашей биографии.

— Как я уже сказал, это не являлось основной причиной. — У меня не было желания развивать эту тему. — Вероятно, я слишком увлекался дореформаторской историей. Когда-то массовая культура активно поддерживала положительный образ законников. Это потом корпоративная власть и Темный век подпортили им репутацию.

— Понятно. — Честерфилд кивнул Рамиресу, и тот продолжил свой экскурс в мое досье:

— В ходе работы в СКИП агент Старгарт не зарекомендовал себя с положительной стороны. В нарушениях служебной дисциплины замечен не был, однако, по мнению непосредственного начальника, страдает безынициативностью и отсутствием мотивации. — Рамирес оторвался от экрана и повернулся ко мне. — Можно ли предположить, что это связано с тем, что в полиции вы занимали гораздо более высокое должностное положение, нежели в СКИП?

— А также с тем, что в СКИП моя работа состояла в инспекции складов вместо расследования преступлений.

— Ужасно скучно, — согласился Пон Так. — И ведь сейчас социальный статус полицейского лишь немного выше статуса мусорщика или стряпчего, не так ли? То ли дело статус агента АСР...

— Я не слишком озабочен вопросами статуса, — пробормотал я. — Была бы работа по душе.

— Наверняка так оно и есть, — благодушно закивал головой Честерфилд. — Вот мы, собственно, и пригласили вас спросить, придется ли вам по душе работа в Оперативной службе.

После пятичасовой беседы я вышел из главного входа башни, выжатый как лимон. В пределах видимости не обнаружилось ни одного слайдера. Необычно, но странностей сегодня хватало, и я решил не забивать себе голову. Тем более что к транспортной станции вела прекрасная тенистая аллея. Гулять

я любил, и мне предстояло немало обдумать. Они вышли из-за деревьев примерно в трехстах метрах от здания, там, где аллея делала крутой поворот. Не могу сказать, что меня подвели инстинкты, я знал, что за поворотом трое, но не придал этому значения — несмотря на разгар рабочего дня, здесь вполне могли устроить перекур или совещание какие-нибудь аналитики или оперативники.

Впрочем, эта троица мало напоминала сотрудников АСР. Во всяком случае, я не слышал, чтобы агентство брало в штат инопланетников. Видимо, университетский курс ксеносоциологии не пошел мне на пользу, как и год, проведенный в Особом районе. Высокие и гибкие, с загорелой, как будто дубленой кожей и глазами... да, розовыми глазами. Ни один учебник не упоминал ни о чем подобном. Их одежда напоминала военную форму коричневого цвета, удачно сливавшуюся с дорожкой и стволами деревьев. Двое тихо подошли спереди, заняв центр аллеи, и остановились в трех метрах. Третий стоял у меня за спиной, наверное полагая, что я не слышал его приближения. Я не хотел оборачиваться, чтобы не провоцировать его, поскольку понятия не имел, был ли тот вооружен.

— *Невидимый*, — тихо пропел третий сзади, — обернись, *Невидимый*.

Я осознавал, что фраза прозвучала не на новоингле, а другими языками я не владел. Тем не менее слова говорившего были мне понятны. Я медленно обернулся и сделал шаг в сторону. Теперь расстояние между мной и двумя отвлекавшими внимание особями увеличилось, а с говорившим — сократилось. Стандартный прием при групповом нападении, но в данной ситуации, возможно, ошибочный. Третий все же оказался вооружен, и мое движение немедленно спровоцировало атаку.

Он двигался невероятно быстро, сжимая в руке красивый изогнутый кинжал из неизвестного мне мерцающего сплава. Очевидно, на его планете практиковался иной стиль ножевого боя, нежели на Земле, и он не стал тратить время на горизон-

тальные режущие движения, с ходу попытавшись вогнать оружие мне в грудь. Включившиеся рефлексy позволили мне лишь немного уклониться, и клинок пронзил левое плечо, вызвав дикую боль. Промашнувшись, чужак не замедлился ни на секунду. Отпустив кинжал, его рука устремилась к моему горлу, стремясь смять гортань, а колено нанесло сокрушительный пинок по ребрам слева. Но защитный механизм уже работал на полную, и, не отвлекаясь на повреждения, я нанес ему мощный удар уцелевшей рукой в область грудины.

Человек бы отключился, но незнакомца лишь отбросило на пару метров. Прошипев какое-то проклятие, он легким движением вскочил на ноги, приготовившись завершить начатое. Я повернулся к нему боком, поскольку помнил о присутствии на сцене еще двух участников и ожидал, что те присоединятся к веселью. Однако те не сдвинулись с места, а в их руках не появилось какого-либо оружия. Напротив, они сложили руки на груди, подчеркнуто демонстрируя свою незаинтересованность в участии в схватке. Только сейчас я понял, что напавший на меня, будучи той же расы, уступал им добрую голову в росте.

Все эти мысли, впрочем, мелькнули за доли секунды, поскольку мой обидчик не собирался брать пауз. Метнувшись мне в ноги, он провел удачный бросок, и я оказался на земле с не лучшим предчувствием, так как никогда не ощущал себя комфортно в борьбе. Но бороться со мной никто и не собирался. Вместо попытки захвата чужак резким ударом локтя сверху разнес мне коленную чашечку, после чего, очевидно рассчитывая на болевой шок, схватился за рукоятку торчавшего у меня из плеча кинжала, явно надеясь вновь пустить оружие в ход. Что ж, ошибки в тот вечер совершал не только я. Инопланетник отлично держал удар и заметно превосходил меня в навыках рукопашной, но он был гуманоид, а я твердо знал, что строение всех особей нашего вида одинаково.

В то мгновение, когда пальцы убийцы коснулись рукояти ножа, я приподнялся, моя предположительно обездвиженная левая рука крепко легла ему на затылок, а правая резко крута-

нула голову назад. Рефлексов чужака оказалось недостаточно, чтобы противостоять контратаке. Я услышал характерный хруст ломающихся позвонков, и тело надо мной обмякло. Отшвырнув труп в сторону, я откатился на обочину и сам выдернул кинжал из плеча, не зная, чего ожидать от оставшихся двоих. Левая нога не слушалась, и мне пришлось принять какую-то нелепую стойку на неповрежденном правом колене.

Однако было не похоже, что моя судьба заботит розовоглазых. Их занимал лишь труп соплеменника. Как будто разом очнувшись от спячки, парочка в доли секунды преодолела несколько метров до тела и на мгновение замерла над ним. Если это и был ритуал, то очень короткий. Один из чужаков кинул на останки небольшую черную таблетку и спешно отступил. Меня ослепила яркая вспышка, вслед за которой в лицо ударил жар, а в нос — смрад горящей плоти. Двое скользнули мимо меня под сень деревьев. Чуть задержавшись, гигант с лицом, испещренным шрамами, нежно пропел на незнакомом языке:

— До встречи, *Невидимый*.

ГЛАВА 3

Все было совсем неплохо. Гораздо лучше того, на что мог рассчитывать скромный агент СКИП, да еще и бессрочно отстраненный в связи с утратой доверия. Для начала меня не стали перевозить в государственный госпиталь. Прямо на аллее я получил усыпляющий укол от медицинского робота и очнулся уже в палате больницы АСР.

Временное жилище мне нравилось — комната размером не менее тридцати метров, журнальный столик и диван из настоящего дерева, а главное — огромное панорамное окно с видом, не уступающим тому, что я недавно лицезрел из соседней башни. Сломанная нога не слишком располагала к прогулкам, да и выбраться в коридор было невозможно в любом случае — дверь открывалась только снаружи. Во время одного из визитов медперсонала я с удовлетворением зафиксировал у входа

охранного дрона класса SPD. Его собрат неторопливо прохаживался по коридору, куда выходили двери еще двух десятков палат. Является ли мое убежище госпиталем или временной тюрьмой, оставалось вопросом открытым.

Когда я спросил об этом у доктора Мухаммада, ответом мне стал неуверенный взгляд и заверение в том, что я нахожусь в «специальном блоке» госпиталя АСР. Дискуссию о том, кто является обычными пациентами блока, эскулап продолжить не пожелал, сославшись на то, что подобные материи не в его компетенции. Ах да — у меня был свой лечащий врач, притом человек. Не думаю, что при других обстоятельствах мне довелось бы пообщаться с чем-либо лучше диагностической машины. Доктор заходил каждое утро в сопровождении бесшумного процедурного робота, чьи манипуляции по выкачиванию из меня крови вкупе с закачиванием других жидкостей со временем изрядно надоели.

Имелись и другие посетители. Вскоре после операции я удостоился чести познакомиться с командором Вахаднапулом из Службы внутренней безопасности АСР. Командор излучал любезность, явно излишнюю для полицейского при беседе с другим законником, — несомненно, результат инструктажа кого-то более весомого, чем мы оба. Мне были принесены сожаления в связи с инцидентом. Сообщено, что расследование будет находиться в ведении АСР и лично его, командора Вахаднапула.

Я знал, что, несмотря на всю мощь и влияние АСР, могу потребовать участия в следствии СКИП и профсоюза законников. Организованное нападение на действующего агента считалось чрезвычайным происшествием, и охота привлекла бы коллег из различных подразделений, объединенных одной целью — не допустить повторения подобного в будущем. Двое из нападавших скрылись, и это не могло не беспокоить человека в моем положении, что я и не преминул довести до сведения командора.

Отговорил меня Нгубо. Его черная как смоль двухметровая фигура возникла в дверном проеме на следующий день после посещения Вахаднапула. Ввалившись в комнату без стука и

прочих условностей, приятель сразу рухнул на удобный диванчик у окна, жалобно заскрипевший под его весом. Скользнув по упакованной в футляр ноге и разбитому лицу, взгляд товарища уперся мне в переносицу, а рот расплылся в улыбке, необычно белозубой даже для эры повсеместно распространенных имплантов.

— Ну наконец-то тебя кто-то отоварил как следует. — Вообще-то Нгубо слыл добряком и балагуром, но, имея представление о том, в чем именно состоит его работа, я бы не стал полагаться на этот имидж, заботливо созданный для молодых особ, охотно скрашивавших его досуг в перерывах между заданиями. — Я всегда говорил, что ты ни на что не годен в драке.

— То, что отоваривший — покойник, тебя несколько не впечатляет? — сварливо пробурчал я. — Вообще-то я думал, что тебя и на Земле нет.

— Утром вернулся, — небрежно пояснил черный джентльмен, пожирая персик, похищенный из вазы на столе. — Нет, не впечатляет. Повезло. Ты вообще везучий. До сих пор не могу понять, как ты справился с теми тремя на складе. Я же видел все твои боевые имитации при поступлении в Академию. Слезы. Я бы с тобой на задание не пошел. Хотя нет — пошел бы, если без риска стрельбы или мордобоя. Ты у нас честный идиот — точно знаю, не продашься и не выстрелишь в спину. Или вот телохранитель из тебя вышел бы отличный — так и норовишь броситься под пулю.

— Да ну тебя, — отмахнулся я. — Я вот в этом году убил четырех профессиональных киллеров, да еще и инопланетников. А ты чем похвастаешься?

— Я разгреб куда больше отбросов, и совсем в другой лиге, уж поверь. — Второй персик последовал за первым, прекрасно вписавшись в общую картину блаженного самодовольства, царившего на диване.

— Утром вернулся и сразу ко мне? Как лестно. А где цветы? Или ты только чужие персики жрать горазд? — Персиков мне правда было жаль.

— Обольщаться не стоит, ты не в моем вкусе. — Вывод из моих слов был сделан, и супермен переключился на менее любимые мною яблоки. — Что приказали, то и делаю. Мы люди подневольные. Прикажут вытирать сопли полицейским немехам — будем вытирать.

— Тебя что, отозвали с задания из-за меня? — Наверное, меня должно было распирать от гордости из-за того, что одного из ведущих головорезов Галактики срочно доставили на Землю присматривать за мной, но мозг законника однозначно сигнализировал: это признак того, что дело дрянь.

Нгубо уставился на меня с деланой озабоченностью:

— Опаньки, высотобоязнь штатные мозгоправы определили, а манию величия-то и прошляпили. На что еще жалуется, больной? Таинственные голоса в голове, нестерпимое желание захватить мир?

— О, всего лишь пара сломанных ребер да двухнедельный курс по регенерации коленной чашечки, от которой мало что осталось. — Приятель явно не собирался делиться подробностями кухни своего подразделения, а меня на самом деле интересовали более актуальные материи. — А, ну и чуть не забыл — проникающее колотое ранение левого плеча, причиненное клинком из неизвестного сплава. Очень плохо заживает, кстати. Не видел, часом, таких? А с розовоглазыми инопланетниками якшаться не доводилось?

Уважаемый в научных кругах доктор ксеносоциологии и по совместительству каратель на службе Всемирного правительства, посетивший не менее десятка миров, впал в легкую задумчивость. Было неясно, какие именно инструкции им получены и собирается ли он им следовать. Я рассчитывал на то, что старшие агенты Оперативной службы, обычно действующие автономно от центра, не слишком склонны слушаться бюрократов из Спейстауна.

— Видел, — неожиданно легко признался он. — Пару раз, но видел. Ножик сейчас у наших экспертов. Насколько я знаю, это первый экземпляр, который удалось захватить. Есть все основания полагать, что вещица — шайнского производства.

*Сингапурский университет.
Факультет политологии, 1-й курс
143-й год Реформации*

Профессор Кейтель был сухопар, умен и невыразимо язвительен. Возможно, именно по этой причине руководство факультета каждый год поручало ему проводить вводную лекцию для первокурсников. Впрочем, мне не показалось, что эта честь доставляет профессору удовольствие. С легкой тоской оглядев заполнившие амфитеатр главного корпуса две сотни молодых и не очень лиц и не утруждая себя какими-либо вступлениями, преподаватель ткнул пальцем в имевшего неосторожность усестя в первом ряду высокого азиата лет восемнадцати и требовательно спросил:

— В каком мире мы сейчас живем?

— Э-э-э... — Не ожидавший интерактивного общения в свой первый день китаец запнулся и робко предположил: — В мире сто сорок третьего года Реформации? На Земле? В Галактике трехсот сорока восьми обитаемых миров?

Профессор схватился за голову и издал нечто напоминающее стон.

— Итак, большое спасибо... мм... хотя не важно. — Кейтель проигнорировал горящую на столике студента табличку с именем. — Теперь мы владеем статистической информацией, известной каждому ребенку в возрасте от трех лет, проживающему на этой планете. Правда, не каждого трехлетку принимают в университеты, но уверен, что это дело ближайшего будущего. Еще мысли?

Аудитория сжалась, ожидая выбор очередной жертвы, но в этот раз профессор определенно хотел поживиться добровольцем. Бодрая чернокожая девушка, судя по возрасту попавшая в аудиторию прямо со школьной скамьи, активировала динамик и оглушительно отрапортовала на весь зал:

— Мы живем в мире всеобщего благоденствия и процветания! В мире, где нет войн и конфликтов! Где нет нищеты и преступности! Где каждый получает то, что заслуживает!

Не было сомнений, что она могла продолжать еще очень долго, но профессор нервным жестом блокировал ее микрофон.

— Если бы в нашем мире каждый получал то, что заслуживает, жертвы «Всемирных новостей» никогда не попадали бы на факультеты вроде нашего. У вас ведь наверняка просто зашкаливающие школьные баллы? Собираетесь заниматься политикой? Не отвечайте, да упасет нас космос от занятия вами какой-либо выборной должности. Может, вы и научитесь мыслить самостоятельно за три года обучения, но я бы не слишком на это надеялся. Я так понимаю, шансов услышать сегодня что-либо осмысленное у нас нет? — Гуру политологии на сей раз окинул зал взглядом, исполненным плохо скрываемой неприязни.

— Никто не знает, в каком мы сейчас живем мире. — Стройная загорелая блондинка лет двадцати, сидевшая в центре зала, говорила ровным и рассудительным голосом, контрастировавшим с ее яркой внешностью. — Этот мир не создан нашей расой. Его нам даровали, или навязали — смотря каких взглядов вы придерживаетесь. Нам неизвестны конечные цели его создателей. Сейчас мы живем благополучно. Наша планета занимает достойное место в сообществе миров. Мы сами заселили многие из них. Мы построили систему планетарной обороны и создали мощный космический флот. Нам кажется, что мы в безопасности и у нас нет вызовов — внутренних или внешних. Но это было бы невозможно без установления протектората. Если бы кто-то другой не обратил вспять экологическую катастрофу. Если бы на нашей поверхности не построили Завод, производящий двигатели для наших звездолетов, потому что мы, люди, понятия не имеем, как работают Т-прыжки. Мы знаем одно — что живем под сенью гораздо более развитой и могущественной цивилизации, которая спасла нас. Но она же может в любой момент и уничтожить. Поскольку все, что мы можем противопоставить их мощи, дано нам ими же.

Аудитория испуганно примолкла. Тишину нарушало лишь возмущенное фырканье негритянки, которая порывалась что-то сказать, но не могла сделать этого из-за заблокированного микрофона.

Профессор благожелательно посмотрел на блондинку:

— О, антишайнская пропаганда... давненько я не слышал ее от первокурсников. И что же нам, по-вашему, делать в этой тревожной ситуации? Стоит ли начать с закрытия факультетов политологии и социологии как совершенно бесполезных?

— Ну почему же. — Его молодая визави совершенно не выглядела смущенной. — Есть множество сфер, в которые не происходит видимого вмешательства со стороны шайнов. Они не правят нами или кем-либо еще. Во всяком случае, тому нет доказательств. Но разве изучение шайнов не должно стать основной ксеносоциологии? Тем не менее по ним практически нет новых опубликованных работ. Мне это кажется крайне любопытным.

— Так вы собираетесь писать о шайнах, — задумчиво протянул профессор. — Вижу, вы не ищите легких путей. Как вижу и то, что вы пали жертвой весьма популярной теории заговора, согласно которой исследования их цивилизации пресекаются то ли Всемирным правительством, то ли самими шайнами через протектора или неких неведомых агентов влияния. Заверяю вас, что это не так. Попытки разгадать тайны шайнов не встречают какого-либо противодействия. Просто... просто со временем определенные темы в научных кругах исчерпывают себя. Правда состоит в том, что после нескольких сотен лет знакомства нам практически ничего не известно о шайнах. Мы даже не знаем, являемся ли мы родственным биологическим видом. Генетические и социологические исследования в известных нам населенных мирах убедительно доказали, что все гуманоиды произошли от одной цивилизации. Очень и очень давно расселившейся по космосу неким способом, относительно которого академики крупнейших планет по сей день спорят до хрипоты. Но шайны? Мы не можем определенно утверждать, что родственны им, поскольку еще никому и нигде не удалось получить их генетический материал для сравнения. Кто-то считает, что они наши прародители — выходцы с той самой Исходной планеты, знания которой утрачены остальными цивилизациями. Другие полагают, что они наши братья — народ, оказавшийся в той же ситуации, что и остальные, но сумевший опередить прочие миры

в технологическом развитии и затем пришедший нам на помощь. Третьи убеждены, что их закрытость связана с тем, что они вообще не гуманоиды и лишь притворяются таковыми, чтобы завоевать наше доверие.

Профессор помолчал.

— Увы, исследовать здесь нечего, в том числе ксеносоциологам. Все, что можно, описано более ста лет назад профессорами Киглом и Ван Шу в их «Загадке шайнов». Около тридцати лет назад академик Джевардаш с Ганьшьи издал объемнейший труд «Взаимодействие шайнов с известными цивилизациями», где проанализировал все контакты с шайнами на основе летописей и изустных преданий более чем шестидесяти планет. Обе книги доступны в любой университетской библиотеке. Все последующие исследования представляют собой ничем не подтвержденные гипотезы, базирующиеся исключительно на воображении их авторов. Именно поэтому они не получают — и не получают — признание в научных кругах.

Несмотря на декларированную антинаучность, тема шайнов явно представляла для профессора большой интерес, и он с удовольствием продолжил:

— Что мы можем сказать о них, основываясь на нашем опыте? Они появились в середине двадцать первого века по старому исчислению, когда Земля задыхалась от экологической и социально-экономической катастрофы. Власть фактически находилась в руках нескольких мегакорпораций, контролировавших правительства более чем двух сотен разобщенных стран. Ресурсы распределялись по постоянно снижающимся нормам — это относилось к воде, еде, кислороду, топливу, электричеству. Более девяноста процентов населения жили на минимальном рационе. Система соцобеспечения рухнула, старики и инвалиды без поддержки близких были обречены. Полноценное здравоохранение оставалось доступным лишь нескольким процентам жителей. Между корпорациями велись постоянные войны за ресурсы, для чего использовались как частные, так и правительственные армии. Выборы представляли собой имитацию демократии, где населению предлагалось голосовать за представителей двух-трех партий, каждая из которых находи-

лась на содержании у определенной корпорации. Любое инакомыслие и попытки протеста жестко пресекались. И тогда над Землей впервые появилось «Грозное облако».

Профессор запнулся и посмотрел на часы:

— Хм, кажется, я увлекся. Почему бы нам не устроить небольшой перерыв?

В дверях Кейтель замешкался, обернувшись.

— Да, кстати, милочка. — Ученый вновь счел ниже своего достоинства опускаться до чтения табличек. — Как вас зовут?

— Меня зовут Даниэль Свенсон.

Нгубо ушел, наверняка измотанный дружеской беседой не меньше меня. Инстинкт полицейского, помноженный на инстинкт самосохранения, почуяв слабину в оппоненте, привел к натуральному допросу, в ходе которого мой черный приятель несколько раз заметно побледнел, пару раз — покраснел и под конец покрылся испариной, несмотря на прекрасно работающий климат-контроль. Роль ему досталась незавидная — на Земле он превратился в мелкого чиновника, направленного ко мне с определенной миссией, и не мог просто послать собеседника к черту.

В результате почти часового словесного спарринга, по ходу которого супермен из разведки был лишен возможности использовать стандартные техники вроде «не знаю», «не помню» и «да иди ты в...», и в обмен на клятвенное обещание не звонить в СКИП я обогатился довольно любопытными знаниями. Поразивший меня клинок изготовили из сплава, напоминающего те, что используются шайнами.

Сами владыки космоса кинжалов не носили. Зато их очень любили черано — те самые, трех из которых я пристрелил три месяца назад, что давало почву для занятных гипотез. У черано такое оружие было редкостью, и владели им лишь главы семейств как символами власти. По слухам, кинжалы использовались для казни оступившихся членов клана. Этот весьма познавательный ксеносоциологический экскурс, впрочем, слабо прояснял причины нападения. Безусловно, черано имели повод для мести. Но я не входил ни в какой клан, и с какой стати

феодал с другой планеты стал бы жертвовать сакральным предметом для моего умерщвления, оставалось непонятным.

Розовоглазые именовали себя герреры, и человечество никогда с ними не сталкивалось. Сведения о них поступали в основном от анакалийцев, активно использовавших черано для различных грязных делишек в слаборазвитых мирах и потому знакомых с сектором сто восемьдесят четыре, где находилась Джарт — планета черано, а также предположительно и планета моих обидчиков. «Предположительно» — потому что никто не знал, к какой именно звездной системе она относится. Доподлинно было известно лишь то, что в этой зоне пропало больше звездолетов, чем в любой другой, — особенно тех, которые проявляли интерес к ранее неисследованным солнцам. Поэтому последнюю сотню лет посещение сектора ограничивалось Джартом и пятком таких же не слишком развитых планет по соседству.

Каких-либо контактов этих планет с шайнами зафиксировано не было. Зато местный фольклор пестрел легендами об огромном дисковидном объекте, спускавшемся с неба из черной тучи. В отличие от шайнов, никогда не приземлявшихся на поверхности, эти корабли не стеснялись садиться там, где считали нужным, игнорируя десятки гектаров выжженных лесов и полей, да и случайно оказавшиеся под кораблем деревушки, сгинувшие вместе со всем населением. Опять же в отличие от шайнов, которых никто никогда не видел более трех в одном месте, звездолеты извергали из себя хорошо вооруженные и организованные отряды высоких, загорелых и розовоглазых инопланетников. Отсталые планеты не могли оказать пришельцам никакого значимого сопротивления. Пытавшихся бороться убивали на месте, и на несколько недель цивилизация переходила под контроль сил вторжения.

Получив под страхом смерти заверения в полной поддержке со стороны старейшин, захватчики деловито приступали к разграблению планеты. В недрах корабля стремительно исчезали домашний скот и собранный урожай. Сколоченные из местных рабочие отряды посылались в наспех сделанные направленные взрывами шахты, где добывали нужные герре-

рам породы. Параллельно с этим специальные команды розовоглазых занимались тем, что служило предметом наибольшего расстройств аборигенов, — отбором привлекательных и здоровых особей женского пола. Каждое нашествие длилось ровно сорок один день, после чего налетчики удалялись, увозя большую часть скота и урожая, а также от одной до двух тысяч юных дев. Которых, само собой, никто и никогда больше не видел.

Подобные набеги, продолжавшиеся несколько тысячелетий, происходили раз в тридцать шесть земных лет. Зная об этом, каждая планета сектора соответствующим образом готовилась. За несколько лет до нашествия начинали копить запасы, часть из которых прятали с тем, чтобы в результате вторжения цивилизация не осталась в тисках голода. В год прибытия тысячи молодых женщин уходили прятаться в леса и пещеры, надеясь, что их минует участь жатвы. Розовоглазые совершенно не возражали против данного обычая. Ими формировались поисковые команды, которые с азартом тратили сорок дней на квесты по лесам и горам в поисках селянок — и были в этом на редкость успешны.

Однако примерно двести лет назад, или уже почти шесть циклов, вторжения в секторе сто восемьдесят четыре прекратились, а герреры более не объявлялись в разведанных частях Галактики. Анакалийские исследователи выдвинули гипотезу о том, что те залегли на дно ввиду заметно увеличившейся активности шайнов. Именно в тот момент высшая раса построила заводы в одиннадцати основных мирах помимо Земли, вскоре после чего сотни звездолетов, оснащенных Т-двигателями, жадно бросились исследовать все вокруг. Как бы то ни было, напоследок герреры оставили человечеству сомнительный подарок в виде черано.

При последнем визите на Джарт взамен традиционного собранного урожая из юных дев на планете были высажены несколько тысяч высоких, необыкновенно ловких и физически сильных чужаков. Разбитые на кланы по одному им ведомому признаку, те на десятки лет погрузили планету в период, весьма напоминавший земной Темный век. Крайне агрессивные и

жестокие, не заинтересованные в поддержании каких-либо институтов власти, черано просто терроризировали местных жителей, убивая мужчин, насилюя женщин и отбирая все, что им нравилось.

Несмотря на то что герреры не снабдили черано ничем, кроме холодного оружия из диковинных сплавов, а количественно они составляли незначительную часть населения Джарта, община крестьян и ремесленников не смогла оказать чужакам какое-либо сопротивление. Неоднократно собиравшиеся народные дружины вырезались пришлыми под корень, поскольку что с оружием, что без него каждый черано был способен без труда одолеть десяток-другой обывателей.

Конец этому царству террора положили анакалийцы, чей корабль-разведчик набрел на Джарт. Не будучи хорошими воинами, они располагали современными технологиями подавления. Насильственный захват и оккупация населенных миров не допускались Уставом Звездного сообщества, однако никто не запрещал выгодные сделки. Анакалийцы с удовольствием подписали со старейшинами Джарта договор, по которому обязались избавить планету от власти черано в обмен на эксклюзивные права на разработку всех местных месторождений полезных ископаемых сроком всего лишь на сто лет. Разумеется, с преимущественным правом продления.

Соблюдая договоренности, анакалийцы с применением незатейливых средств вроде парализующего газа за несколько недель отловили и вывезли всех черано на остров, расположенный в центре внутреннего моря. К сожалению, по результатам десятков лет оккупации налетчики приросли женским населением, поэтому надеяться на прерывание их рода не приходилось.

Заниматься ремеслами, скотоводством или земледелием черано упорно не желали, но с удовольствием исполняли роль телохранителей анакалийцев при визитах тех в третьи миры, где нередко становились дополнительным фактором убеждения местных в необходимости дружбы с их хозяевами. Столкнувшись с ними раз, многие планеты запретили высадку черано на свою поверхность. Сотни из них давно отбились от ана-

калийских миссий и превратились в свободных агентов, промышлявших не только охраной, но и любимым занятием своего рода — убийствами. На Земле визиты черано, мягко говоря, не приветствовались.

Сведения о геррерах, да и полная история сектора сто семьдесят четыре не попали ни в один из университетских учебников. Анакалийцы поделились ими с остальными одиннадцатью мирами под условием сохранения секретности. Это было мудро — людям вовсе незачем знать о существовании еще одной сверхцивилизации. Тем более столь агрессивной.

Теперь мой мозг полицейского фиксировал достаточно четкую и логичную последовательность событий. Анакалийцы привезли с собой черано в качестве охраны. Те убили Даниэль, а я казнил черано, после чего на Землю прибыли розовоглазые и попытались прикончить меня в ходе какого-то ритуала кинжалом, имеющим сакральное значение для моих жертв. Это имело некий смысл, раз черано являлись порождением цивилизации герреров. Видимо, они полукровки — продукт отношений розовоглазых и похищавшихся теми на протяжении тысяч лет жительниц шести планет. Решившись по тем или иным причинам на самоизоляцию, герреры выкинули своих незаконнорожденных детей на Джарте и предоставили тех самим себе. Логично.

Нелогичным было то, что минимум трое представителей высшей цивилизации не побрезговали потратить время и ресурсы, чтобы долететь до Земли, где, скрытно высадившись на планету, попытались умертвить существо низшей расы. И это все ради чего — мести за каких-нибудь прапраправнуков тех, кого высадили на Джарте двести лет назад? Вообще-то за эти двести лет жители различных планет убили сотни черано, каждый из которых, скорее всего, заслуживал смерти. Но я никогда не слышал, чтобы по души палачей этих мерзавцев кто-то приходил — включая других черано. Логическая цепочка рвалась, недосчитавшись кучи звеньев, и, будучи придавлен грузом информации, которую мой процессор пока не мог полностью переварить, я счел за благо отбыть ко сну.